

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В 1840 г.

Клычников Ю. Ю.

POLITICO-MILITARY SITUATION
IN NORTH-EAST CAUCASUS IN 1840

KLYCHNIKOV YU. YU.

В статье дается краткий обзор военно-политической обстановки на Северо-Восточном Кавказе в 1840 г. Рассматриваются действия имама Шамиля и противостояние с ним российского командования.

The article gives a brief review of politico-military situation in North-East Caucasus in 1840, examines Imam Shamil's activities and confrontation with Russian authorities.

Ключевые слова: российская администрация, конфликт, мятеж, мюриды, крепости, репрессалии, аманаты.

Keywords: Russian administration, conflict, rebellion, Murid sect, fortresses, reprisals, amanats.

УДК 321

Наступивший 1840 г. стал знаковым для Кавказа, хотя современники вряд ли могли понять, на пороге каких серьезных испытаний они находятся. Российская администрация, имея в активе разгром Шамиля под Ахульго, рассчитывала на замирение Северо-Восточного Кавказа, но, как показали дальнейшие события, эти надежды оказались иллюзорными [1].

Стремясь использовать наступившее затишье, командование предполагало уделить внимание строительству новых укреплений и благоустройству уже возведенных. Сама обстановка, казалось бы, благоприятствовала этому, ведь «против обыкновения, нигде ни одного прорыва, ни одного хищничества, даже новую кордонную линию по Сунже, от Грозной до Назрана, содержали чеченцы, карабулаки и ингуши...» [2]. О Шамиле ходили слухи, что он «вовсе оставит политическое поприще» [3].

Но уже в начале весны начали приходить тревожные сообщения из Чечни. В рапорте исполняющего должность начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майора А.П. Пулло на имя командующего войсками Кавказской линии и в Черномории П.Х. Грабе от 11 марта сообщалось, что «возмутитель Шамиль и сообщники его действуют в Малой Чечне, жители которой принимают их с радушием, выдают сами аманатов и быстро присоединяются к их партии» [4]. Этой же информацией пестрели и другие источники [5]. Возникла реальная угроза присоединения к имаму жителей Большой Чечни, а потому действовать приходилось быстро и решительно. Генералу удалось нанести урон мятежникам под Алхан-Юртом и в дальнейшем организовать энергичное преследование имама, затрудняя осуществ-

ление его замыслов [6].

А.П. Пулло должен был не только нанести поражение неуловимому неприятелю, но и не допустить, чтобы он рекрутировал в свои ряды новых сторонников. Это заставляло дробить силы, но конечный результат оказывался далек от ожидаемого. В конце марта, по донесению лазутчиков, на сторону Шамиля перешло Мичиковское общество. Возникла реальная угроза того, что мятеж перебросится в соседний Дагестан [7].

Решено было предпринять широкомасштабные репрессалии, осуществление которых поручили генерал-лейтенанту А.В. Галафееву. 21 марта 1840 г. он был назначен командовать левым флангом Линии и Северным Дагестаном. Готовясь к походу, генерал отдал приказ, запрещающий продавать зерно за Терек, опасаясь, что оно попадет в руки сторонников имама. Последний стал действовать куда более эффективно, и, по словам А.В. Галафеева, «переменил свою тактику: осуждая свои действия в прошлом году в том отношении, что он думал возможным удержать русских укрепленными местами, и отдавая преимущество соображениям Казимуллы, он решился действовать отдельными партиями, возмущая жителей Чечни и гор и стараясь проникать на плоскость, обитаемую кумыками» [8]. Настигнуть Шамиля никак не удавалось, хотя войска и были сильно изнурены непрерывными переходами. Между тем российское командование продолжало применять прежнюю тактику, которая казалась оправданной и до последнего времени в целом позволяла решать поставленные задачи. Имея за плечами опыт борьбы с предшественниками Шамиля, А.Ф. Галафеев предполагал, что военные тяготы, которые начало испытывать на себе местное население, заставит их отступить от имама, тем более, что поступающие к нему известия, казалось бы давали, повод для сдержанного оптимизма [9].

Не особо доверяя подобной информации, генерал все же подготовил обращение к чеченцам, переведенное на арабский язык, в надежде склонить их к мыс-

ли об отказе от участия в возмущении. А.Ф. Галафеев просил у П.Х. Грабе дополнительных средств для поощрения верных России горцев, стремясь таким образом использовать все шансы для мирного разрешения возникшего конфликта. Последнее впрочем, не означало, что им не планировалась боевая операция, направленная на нейтрализацию Шамиля. Генерал докладывал, что ждет лишь сбора всех сил для предстоящего похода, после чего собирался «с главным войском двинуться, куда надобность укажет» [10].

Подобная неопределенность весьма примечательна и свидетельствует о том, что российскому командованию приходилось действовать «по факту», отдав инициативу горскому предводителю. Не имея возможности навязать противнику место и время сражения, А.Ф. Галафеев вынужден был осуществлять наказание вслед, что вело к расширению числа сторонников Шамиля от пострадавших от репрессалий горцев. Сам же имам всегда мог уклониться от невыгодной для него «генеральной баталии».

Итогом похода А.Ф. Галафеева во второй половине апреля против отложившихся Ауховских аулов стали изнурительные бои, разорение чеченских селений покинутых жителями и отсутствие видимой перспективы прекращения военных действий в крае. Не удалось ни ликвидировать самого имама, ни заставить горцев отказаться от поддержки мюридов [11].

Специфика развернувшейся борьбы заключалась в том, что главной задачей соперников было увлечь на свою сторону как можно больше местных жителей. Российское командование пыталось оставить их на месте прежнего проживания, а Шамиль и его сторонники увлекали в горы, в места, не доступные российской власти. Заложником подобных действий становилось население, пытавшееся сохранить нейтралитет и в одинаковой мере страдавшее от насилия с той и другой стороны. В официальной переписке есть немало примеров, передающих весь драматизм происходящего и свидетельствующих о быстро менявшейся обста-

новке, в целом неблагоприятной для российского командования [12].

Имам тем временем собирался лично появиться в Чечне, чтобы, по словам П.Х. Граббе, «малыми шайками возмущать и переселять за Сунжу оставшихся нам верными сунженских и надтеречных чеченцев» [13].

Нельзя сказать, что российские генералы сложа руки наблюдали за действиями своего противника. По мере поступления разведывательных данных предпринимались шаги по нейтрализации замыслов мюридов: выставлялись дополнительные секреты в местах возможных переправ горцев, спешно приводились в боевое состояние укрепления и т. п. Но, как правило, информация поступала с большим опозданием и ее достоверность оставляла желать лучшего. Кроме того, отследить передвижение небольших групп неприятеля было невозможно, а дробить силы для нейтрализации мобильных горских отрядов опасно. Опыт противоборства с Шамилем свидетельствовал, что имам умеет быстро мобилизовать крупные партии, которые в состоянии уничтожить малочисленные русские отряды.

В конце июня — начале июля подверглись разорению чеченские аулы, расположенные по реке Сунже. Иллюстрацией этих событий служат стихи одного из современников и участников боевых действий — Н.С. Мартынова: «На всем пути, где мы проходим, / Пылают сакли беглецов; / Застанем скот — его уводим, / Пожива есть для казаков, / Поля, засеянные топчем, / Уничтожаем все у них / И об одном лишь только ропщем: / Не доберешься до самих. / Они сидят в своих трупобах, / К ним вход лесами прегражден, / Зимой гнездятся на сутробах, / А летом горы их притон. / Хотя не раз и нам случалось / Застать средь ночи их врасплох, / Но то лишь конным удавалось / В набегах с сотней казаков. / Налетом быстрым, соколиным, / Являясь сразу в трех местах, / Мы их травили по долинам / И застигали на горах. / На них ходили мы облавой, / Сперва оцепим весь аул, / А там, меж делом и забавой, /

Изрубим ночью караул. / Когда ж проснутся сибариты, / Подпустим красных петухов; / Трещат столетние ракиты / И дым до самых облаков. / На смерть тогда идут сражаться, / Пощады нет... Изнемогли... / Приходят женщины сдаваться, / Мужчины, смотришь, все легли. / Зато и нам не все сходило: / Случалось также — чрез мирных / К ним весть внезапно доходила, / Что мы в набег идем на них; / Тотчас окрестность всю поднимут, / Спешат имущество спасти, / Да так гостей незваных примут, / Что дай бог ноги унести...» [14]. В данном случае Николай Соломонович постарался передать всю специфику набеговой тактики, которую применяла российская армия, адаптируясь к кавказским условиям.

С 6 по 14 июля была предпринята экспедиция в Малую Чечню, которую возглавил А.В. Галафеев. В целом обыденная для Кавказа операция в дальнейшем привлекла внимание историков и литературоведов тем фактом, что среди участников этого похода был М.Ю. Лермонтов. За измену, в ходе репрессалий было уничтожено несколько селений. Отряду пришлось выдержать кровопролитный бой на реке Валерик, стоивший 29 офицеров и 316 солдат — внушительная потеря по местным меркам [15]. Не один из официальных документов не в состоянии передать чувства, испытанные участниками этого боя и раскрытых гением поэта: «Раз — это было под Гихами — / Мы проходили темный лес; / Огнем дыша, пылал над нами / Лазурно-яркий свод небес. / Нам был обещан бой жестокий. / Из гор Ичкерии далекой / Уже в Чечню на братний зов / Толпы стекались удальцов / <...> Вдруг залп... глядим: лежат рядами, / Что нужды? здешние полки / Народ испытанный... «В штыки, / Дружнее!» — раздалось за нами. / Кровь загорелась в груди! / Все офицеры впереди... / Верхом помчался на завалы / Кто не успел спрыгнуть с коня... / «Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы, / В приклады!» — и пошла резня. / И два часа в струях потока / Бой длился. Резались жестоко, / Как звери, молча, с грудью грудь, / Ручей телами запрудили. / Хотел воды я

зачерпнуть... / (И зной и битва утомили / Меня), но мутная волна / Была тепла, была красна. / <...> И с грустью тайной и сердечной / Я думал: «Жалкий человек. / Чего он хочет!.. небо ясно / Под небом места много всем, / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он — зачем?» [16].

В Северном Дагестане под контроль Шамиля перешли Анди и Технуцал. Возникла реальная угроза потери шамхальских владений, но в ходе упорного боя под Ишкарты 10 июля отряд под командованием Клюки фон Клугенау не допустил дальнейшего продвижения имама [17]. Впрочем, как считал Е.А. Головин, «отбытие Шамиля из Шамхальства после успехов, приобретенных им при самом его появлении... должно... отнести к принятой им системе действий и намерению отвлечь войска наши от Чечни. В чем он и успел» [18]. Среди причин не исключались и трения, которые могли возникнуть между предводителями горских отрядов [19]. Но как бы то ни было, Шамиль сумел занять расположенные по соседству селения Эрпели и Каранай [20].

Переход в августе под знамена мюридизма горских обществ по андийскому Койсу позволили Шамилю активизироваться в Аварии. По мнению Н.И. Покровского, это стало возможным благодаря тому, что «вовлечение в движение Чечни ослабило зависимость обществ Верхнего и Нагорного Дагестана от поступления хлеба из Кахетии или с плоскости. Теперь, собирая силы для наступления на Аварию, имам призвал к себе «всех нуждающихся в хлебе», и это упрочило его положение» [21].

К концу лета 1840 г., по мнению командира Отдельного Кавказского корпуса, ситуация на Северо-Восточном Кавказе представлялась следующим образом. Шамиль был вытеснен из шамхальских владений, и обстановка там стабилизировалась, но это объяснялось не столько успехами русской армии, сколько стремлением имама сосредоточиться на подчинении тех горских обществ Дагестана, которые пока отказывались ему повиноваться. Кроме того, горцы должны были

заняться уборкой хлеба и на время снизили свою набеговую активность [22].

Для того чтобы отвлечь внимание имама от Нагорного Дагестана, А.В. Галафеев начал возведение в Аргунском ущелье укрепления, но этот расчет не оправдался. Связывать эту неудачу только с именем Аполлона Васильевича, вряд ли справедливо. Возведение фортификаций шло в русле осуществляемой на Кавказе военной доктрины [23]. Но и снимать ответственности с генерала вряд ли правомочно. Суть проблемы видится в том, что в сложившихся условиях военное преимущество мобильных, приспособленных к действиям в горно-лесистой местности отрядов Шамиля было налицо. Российская регулярная армия еще не была тем инструментом, с помощью которого можно было эффективно противодействовать имаму, и любое решение командования на практике не могло быть воплощено в жизнь.

Как бы то ни было, Шамиль, воспользовавшись тем, что значительные силы русских были отвлечены на строительные работы, осуществил 2 августа вторжение в Аварию, где нашел многочисленных сторонников. Это заставило генерал-майора Клюки фон Клугенау с небольшим отрядом спешно двинуться к Хунзаху, являвшемуся лакомой добычей не только Шамиля, но и его предшественников — Кази-муллы и Гамзат-бека. Все они стремились утвердиться в столице Аварского ханства и тем самым закрепить свой лидирующий статус. Имам, помня урок, полученный от генерала под Ишкарты, отступил без боя, но уже в конце месяца предпринял отвлекающую диверсию на Кумыкскую плоскость, а когда российские войска поспешили прикрыть атакованный участок, быстро вернулся в горы и занял Гимры и Унцукуль [24].

Общий итог был неутешителен. Е.А. Головин считал, что «успехи Шамиля и готовность большей части племен дагестанских пристать к нему заставляют меня опасаться, что влияние этого изувера распространится, наконец, и на Южный Дагестан, ибо Шамиль в течение почти 5 месяцев безнаказанно возмуща-

ет не только непокорных нам горцев, но успел отторгнуть издавна мирных с нами чеченцев и привлечь к себе многие общества, в прошлом году нам покорившиеся» [25].

В сложившейся обстановке командир Отдельного Кавказского корпуса приказал приостановить строительство новых фортификаций. Было решено сформировать два отряда для действий в Северном и Нагорном Дагестане и в Чечне. Чеченскому отряду предписывалось немедленно приступить к активным наступательным операциям, чтобы пресечь дальнейшее разрастание мятежа и вынудить сторонников имама «к изъявлению безусловной покорности» [26]. Шел активный поиск оптимальной модели борьбы с тактикой имама, и в очередной раз подтверждалась мысль, высказывавшаяся опытными кавказскими военачальниками – пассивной обороной пресечь вражеские набеги невозможно.

Это, впрочем, не означало, что от крепостей полностью собирались отказываться. Размещение постоянных гарнизонов возле горских селений позволяло осуществлять контроль над местными жителями и служило сдерживающим фактором, обеспечивающим их лояльность, а также защиту от покушений мюридов. Но одновременно крепости являлись сильным раздражителем, т. к. обеспечение гарнизона продовольствием и боеприпасами вынуждало командование привлекать для перевозки тяжестей гужевой транспорт самих горцев [27].

Пытаясь мирными средствами разрешить конфликтную ситуацию, русская администрация не пренебрегала переговорами и готова была идти на уступки. Примечательны в этом отношении действия Е.А. Головина, который, встретившись с чеченскими старшинами, прибывшими «с изъявлением раскаяния и просьбою о помиловании, уверяя, что многие из них к тому вынуждены были силою и последовали по принуждению», нашел их жалобы на подводные повинности основательными. Чеченские старшины, «изъявляя о нуждах своих и несколько не отказываясь от повинностей, просили только уравнивать оные, ибо аулы,

находящиеся вблизи Грозной и военных дорог, отягощены конвоированием проезжающих и дачею подвод, тогда как отдаленнейшие вовсе от таковых повинностей освобождены» [28]. Соответственно Корпусный командир приказал упорядочить подобную практику и предоставил самим горцам решать, как должна быть распределена эта повинность.

Для получения дополнительной информации о нуждах чеченцев и стараясь непосредственно донести до них позицию русской администрации, генерал командировал в Чечню своего доверенного человека, штаб-офицера подполковника Зорина. Была написана специальная прокламация, в которой местное население призывали прекратить кровопролитие и в дальнейшем решать возникающие разногласия законными методами [29].

В свою очередь имам старался привлекать на свою сторону перебежчиков с противоборствующей стороны. В письме своим наибам он разъяснял, что «те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам, и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни» [30]. Противостояние, таким образом шло не только на полях сражений, но и на идеологическом фронте.

Успехи Шамиля в Аварии заставили российское командование предпринять наступление на Гимры и 14 сентября нанести имаму поражение. Генерал А.В. Галафеев в очередной раз начал экспедицию в Чечню, продолжавшуюся с 27 сентября по 18 октября и приведшую к разорению нескольких крупных аулов. Однако, как показывал опыт, горцы были мало чувствительны к таким акциям и могли быстро восстанавливать разоренные жилища. Е.А. Головин по этому поводу писал, что «последний поиск, сопровождавшийся разорением двух главнейших селений Шали и Герменчук, по видимому, останется без результатов: господствующая ныне в Чечне буйная партия, которой Шамиль служит только

представителем, не дорожит ничем, и даже находит свои выгоды в том, чтобы последователи его не имели собственности» [31].

В свою очередь наиб Шамиля Ахверд-Магома предпринял нападение на Моздок, Луковскую, Павлодольскую и Калининскую станицы, но был отражен казаками [32].

Конец осени ознаменовался походами в Чечню П.Х. Граббе. Но и они не принесли долгожданного умиротворения. Накал борьбы нарастал, а надежда на то, что силы неприятеля истощатся, так и остались несбыточными [33]. Сохранилось немало воспоминаний о той ожесточенности, с которой проходили сражения [34].

Конечно, далеко не все чеченцы горели желанием бороться с гяурами, но для таких у Шамиля были иные аргументы. Отмечалось, что «для удержания чеченцев от мысли покушений, Шамиль употребляет самые насильственные средства, принуждает их скрывать все свое имущество в горах и селиться малыми хуторами в местах недоступных; сам сжигает несколько значительных селений, располагает <к себе> всегда всех мюридов, которые, живя на счет жителей, предадут немедленно смерти тех, которые входят в сношение с русскими, и берет аманатов и оружие от всех аулов в залог их повиновения и власти». Примечательно, что опорой имама стали явно маргинальные слои горского общества, «которые, ничего не имея, не страшатся что-либо потерять, а могут только выиграть от волнений в крае» [35]. Для них происходившие события стали возможностью повысить свой социальный статус, а потому они готовы были идти за Шамилем до конца.

Впрочем, и представители традиционной горской знати не оставались в стороне. Так, переход на сторону имама популярного в Аварии Хаджи-Мурата мог уже в ближайшее время привести к усилению позиций Шамиля в этом регионе, контроль над которым все больше ускользал из рук царского командования [36]. Мотивы таких поступков были различны, но самое главное заключа-

лось, видимо, в том, что под знаменем мюридизма можно было добиться высокого положения среди соплеменников.

К концу года стало очевидно, что добиться перелома в свою пользу в борьбе с Шамилем российскому командованию не удалось. В актив можно было записать поражение, нанесенное имаму генерал-майором Кругену под Гимрами, но в целом ситуация выглядела удручающей. Е.А. Головин писал, что «не предупрежденный и не остановленный побег подтеречных жителей <...> обнажил нашу линию от самого Моздока до станицы Червленой. Покорность кумыков хотя и обеспечивает несколько участки Гребенского и Кизлярских казачьих полков, но вместе с тем заставляет нас отделить довольно значительные силы собственно для защиты их земель.

Измена Чиркея открыла вновь скопищам возмутителя свободный доступ в Северный Дагестан, а с другой стороны, ненадежное положение Койсубулинского общества подвергает опасности самую Аварию и сообщение гарнизона Хунзахской цитадели.

Среди всех этих событий власть Шамиля в горах утверждается, и тем прочнее, что основана на введенном порядке подчиненности в строгом повиновении, как ему, так и поставленным от него начальникам. От этого в продолжение нынешнего года, в самое короткое время, он мог являться на противоположных концах левого фланга Кавказской линии с большими полчищами. Сами горцы изумляются самовластью, с которым Шамиль располагает ими, втайне ропщут противу него, а между тем беспрекословно повинуются».

Опасность заключалась еще и в том, что успехи мюридов всколыхнули сопредельные горские земли, и существовала реальная угроза распространения мятежа. Неудивительно, что, планируя свои шаги на следующий год, Е.А. Головин предполагал сконцентрировать основные усилия на левом фланге Кавказской линии, сформировав для этого два отряда. Первый должен был действовать в Чечне, а другой — в Северном Дагестане. Предполагалось весной приступить к ак-

тивными военными действиями и наказать те общества, которые переметнулись к Шамилю. Рассчитывали усилить уже имеющиеся укрепления в Темир-Хан-Шуре, Хунзахе и Низовое, также возвести новые в Чирке и при входе в Аргунское ущелье. Особо подчеркивалась необходимость возвращения горцев на прежнее местожительство, «ибо беглецы эти, не имея других средств к своему существованию, кроме грабежа, составляют постоянную силу Шамиля и служат ему главным оружием к порабощению других горцев» [37]. Последний вывод примечателен, т. к. он свидетельствует о разочаровании российского командования в блокадных методах. Горцы не только не смирились под воздействием нужды, но наоборот усиливали свои набеги, пытаясь компенсировать понесенные потери. В свое время к аналогичному выводу пришел А.П. Ермолов, начавший использовать крепости как средство вытеснения горцев, а затем, убедившись в отсутствии ожидаемого результата, отказался от подобной практики. Представляется, что в планах российского командования крепости служили скорее средством контроля над близлежащими аулами, самой угрозой наказания удерживая их от опрометчивых поступков.

Итоги и выводы. Давая оценку военно-политической ситуации на Северо-Восточном Кавказе, в 1840 г. следует признать, что российская администрация оказалась не готова к массовой поддержке Шамиля со стороны жителей Чечни и Дагестана. В официальных отчетах присутствует довольно оптимистичная картина местных реалий накануне триумфального возвращения имама к активной борьбе. Между тем попытка насильственной, навязываемой со

стороны модернизации традиционных горских обществ, привела к их консолидации в противостоянии с чуждой властью. Подобный итог видится закономерным и исторически обусловленным. Втягиваясь в орбиту российской государственности, народы Кавказа неминуемо должны были пережить болезненную для них ломку привычных ценностей, трансформацию института социализации, адаптироваться к требованиям, присущим для любого государства, а именно необходимость платить налоги, нести повинности, подчиняться общему законодательству и т. п.

Воспрепятствовать столь глубинным процессам, происходившим в недрах горских обществ, было вряд ли возможно. Поэтому видеть причину начавшегося выступления в просчетах того или иного генерала или чиновника, представляется ошибочным. Шамиль действовал зачастую куда более жестко, но его шаги находили поддержку и оправдание в глазах горцев, по крайней мере, в рассматриваемый период.

Военные акции российского командования в целом соответствовали накопленному на тот момент опыту борьбы с «немирными» племенами. Конечно, жизнь на Кавказе была не столь безопасной, как в центральных губерниях, но серьезной угрозы русскому присутствию в крае правительство не видело. Вызывающие справедливые нарекания в недостаточной эффективности эпизодические экспедиции в горы в целом позволяли разрешать проблемные ситуации и заканчивались стабилизацией обстановки. Поэтому неудивительно, что и весной 1840 г. командование стало действовать по отработанной схеме. Причин действовать иначе на данный момент у него не было.

Примечания

1. Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. X. С. 225—226.
2. Там же. С. 270.
3. Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов [сборник документальных материалов] / под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. С. 191.

4. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. М., 2005. С. 198. (В дальнейшем НОБДЧ).
5. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сб. докум. Махачкала, 1959. С. 248. (В дальнейшем ДГСВК).
6. Там же. С. 223.
7. Там же. С. 200.
8. НОБДЧ. С. 201.
9. Там же. С. 202.
10. Там же. С. 203.
11. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М., 2000. С. 282.
12. НОБДЧ. С. 207.
13. Там же. С. 208.
14. Цит. по: Виноградов В.Б. «Герзель-аул» Н.С. Мартынова как историко-этнографический источник / Под ред. В.А. Захарова. Армавир, 2000. С. 12—13.
15. Покровский Н.И. - Указ. соч. С. 283.
16. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2 т. Т. 1 / сост. и комм. И.С. Чистовой; Вступ. ст. И.Л. Андроникова. М., 1988. С. 202—205.
17. ДГСВК. С. 292—298.
18. Цит. по: Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003. С. 426.
19. Закс А.Б. Ташев хаджи // Вопросы истории. 1993. №4. С. 144.
20. Покровский Н.И. Указ. соч. С. 283—284.
21. Там же. С. 285.
22. НОБДЧ. С. 209.
23. Цит. по: Захаров В.А. Указ. соч. С. 387—388.
24. Покровский Н.И. Указ. соч. С. 285.
25. НОБДЧ. С. 209.
26. Там же. С. 210.
27. Там же. С. 215—217.
28. Цит. по: Захаров В.А. Указ. соч. С. 442.
29. Там же. С. 442—445.
30. ДГСВК. С. 291—292.
31. Цит. по: Захаров В.А. Указ. соч. С. 482.
32. Покровский Н.И. Указ. соч. С. 285; Захаров В.А. Указ. соч. С. 478—479, 489.
33. Покровский Н.И. Указ. соч. С. 285.
34. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / сост., подготовка текстов, вступ. статья и примечания М.И. Гиллельсона и В.А. Мануйлова. М., 1972. С. 259.
35. Цит. по: Захаров В.А. Указ. соч. С. 488—489.
36. История народов Северного Кавказа (конец XVIII—1917 г.). М., 1988. С. 148; Покровский Н.И. Указ. соч. С. 286—287.
37. НОБДЧ. С. 228—229.

Сведения об авторе: Клычников Юрий Юрьевич, д-р ист. наук, профессор кафедры российской и зарубежной истории ГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» (Пятигорск).
E-mail: klichnikov@mail.ru.